

КНЯГИНЯ Е.Р. ДАШКОВА И МИСС МАРТА ВИЛЬМОТ

М.М. Сафонов
(Санкт-Петербург)

4 января 1810 г. в Москве в доме на Большой Никитской, в приходе Малого Вознесенья, скончалась Екатерина Романовна Дашкова¹. В бумагах усопшей ее душеприказчики П.Л. Санти и Ю.А. Неледенский обнаружили прелюбопытнейшую рукопись. Это была "жизнь покойной княгини, переписанная рукой аглинки, miss Wilmot, и пополненная в некоторых местах" рукой самой Дашковой. Неледенский взял рукопись к себе и, несмотря на просьбы Санти, продержал ее около двух лет — настолько она оказалась интересной. Между бывшими душеприказчиками возникла перепалка по этому поводу. Пока они препирались, "аглинка", то есть англичанка, мисс Вильмот, рукой которой была написана автобиография княгини, находилась в Великобритании, готовила свой экземпляр рукописи к печати.

Почему же записки Дашковой оказались в руках англичанки и отчего именно в Великобритании они должны были увидеть свет?

Еще в 1770 году во время своего первого заграничного путешествия на водах в Спа Дашкова познакомилась с Катрин Гамильтон — дочерью архиепископа Туамского Райдера. 1803 г. Гамильтон посоветовала своей кузине Марте Вильмот поехать в Россию и провести год-два у Дашковой. Летом 1805 г. в с. Троицкое навестить Дашкову приехала и старшая сестра Марты Кэтрин. Когда Марта готовила паспорт для поездки в Россию, она с удивлением узнала, что там она будет называться Мартой Эдуардовной, то есть Марта дочь Эдуарда. Но у Дашковой на русский манер ее стали называть по-другому: Мавра Романовна. Это не был каприз избалованной барыни. В изменении отчества Марты Дашкова вкладывала глубокий смысл. Уже в конце 1803 г. — в начале 1804 г. Дашкова полушутя-полусерьезно заговорила о том, что собирается затеять судебный процесс с родителями Марты для того, чтобы восстановить свои родительские права, якобы узурпированные супругами Вильмот во время ее пребывания в Ирландии².

Но "родительские права" на Марту Дашкова понимала весьма своеобразно. Она решила усыновить ее с помощью развода своего женатого сына...³ Но сын княгини отказался следовать ее замыслам. Это привело к семейному разрыву. В начале января 1807 г., не перенес моральных потрясений Павел Дашков скончался. Общественное мнение назвала главной виновницей того, что произошло, Марту Вильмот, явившуюся яблоком раздора между княгиней и ее детьми⁴. Осенью 1808 г. Марта покинула Россию.

Перед отъездом М. Вильмот не хотели пускать на корабль, предварительно не обыскав. Скандальная "слава" девицы Вильмот оказалась столь велика, что вопросом об ее отъезде специально занимался Комитет министров Российской империи! Министры были встревожены не тем, что Марта вывозит раритеты. Чиновников интересовали ее бумаги. 2 октября 1808 г. Комитет министров рассматривал полученное от министра внутренних дел "извещение, что отъезжающая из России англичанка Вильмот имеет при себе полученные ею от княгини Дашковой для издания в свет многие бумаги, заключающие в себе историю ее жизни, перемену царствования в 1762 году, самую партикулярную ее переписку, изъяснение о разных лицах и о правительстве". Члены комитета приняли решение, "чтобы при осмотре имущества... Вильмот...употреблен был от министра внутренних дел особый чиновник для отыскания и секвестирования сих бумаг"⁵.

После отъезда Марты Дашкова протянула немногим больше года⁶.

Племянница усопшей А.П. Исленева укрепила на стене Троицкой церкви табличку: "Здесь покоятся тленные останки княгини Екатерины Романовны Дашковой, урожденной графини Воронцовой, штатс-дамы, ор-

дена святой Екатерины кавалера, императорской Академии президента, разных иностранных Академий и Российских всех ученых обществ члена. Родилась 1743 года марта 17, скончалась 1810 января 4"⁷.

Марта Вильмот собиралась воздвигнуть своей "русской матери" нерукотворный памятник величественнее и грандиознее, чем тот, что поставили родственники. Этим памятником должна была стать публикация "Memoirs of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II, Empress of all the Russias: Written by Herself".

Исленева не сочла лишним упомянуть о том, кто установил надгробную плиту. Так же поступила и Вильмот. Все должны были знать, кто воздвиг памятник Дашковой, который "прах переживет и тленья убежит". Расчет был верен. Могильная плита затерялась, монумент же Вильмот, на котором ее имя стоит рядом с именем Дашковой, ни один раз воспроизводили типографии Лондона, Парижа, Гамбурга, Штутгарта, Петербурга и Москвы. И будут делать это и впредь, "доколь в подлунном мире, жив будет хоть один пиит". Столько же раз был и воспроизведен миф Дашковой, созданной ее "приемной дочерью".

Когда А.П. Исленева сочиняла текст надгробной надписи. Она не очень четко знала, кем в действительности была ее тетушка, президентом или директором императорской академии, но она была уверена: ничто лучше ни характеризует усопшую кавалерственную статс-даму, как-то, что она была членом "Российских всех ученых обществ" и "разных иностранных Академий". Для Вильмот же жизненный путь Дашковой — это, прежде всего жизнь "статс-дамы Екатерины II, императрицы всероссийской", то же, что придворная состояла членом научных обществ, российских и "разных иностранных", возглавляла две академии, — лишь эпизод ее придворной карьеры.

Что же представляла собой эта жизнь?

Марта определила ее так: "a life of sorrow", то есть "жизнь, полную печали, горя, скорби". В самом деле, тема страдания является лейтмотивом "Mon Histoire". "Записки" охватывают 60 лет жизни княгини: с момента рождения до 1803 года, то есть до приезда в Троицкое "ангела-утешителя" Марты Вильмот. До этого радостного события Екатерина Романовна, если верить рассказчице, постоянно мучительно страдала. На протяжении шестидесяти лет, описанных в "Записках" Дашкова двенадцать раз находилась на грани жизни и смерти. Вот уж воистину "a painful story"! Но в самом конце ее "a life of sorrow" неожиданно превратилась в "un paradis" — необыкновенная метаморфоза стала возможна благодаря появлению Марты Вильмот! "Мисс Вильмот, — говорится в "Записках", — явилась в Троиц-

кое, чтобы своим разговором, чтением со мною, своей кротостью и любезностью разлить вокруг меня тихие удовольствия дружбы, которые так дороги для жаждущего симпатии сердца и требующего пищи ума, и которые, по-моему, составляют ничем не заменимое благо".

Итак, Марта — "ангел-утешитель", ниспосланный небом.

"Ее родители так превосходно образовали ее ум и сердце, что она, конечно, составляет предмет удивления для тех, кто ее знает и умеет ценить. Тем живее мое любящее сердце чувствует удовольствие отдать ей эту справедливость и оценить то доверие, которое оказали мне ее родители, дозволив ей приехать ко мне; я нуждалась в облегчении жгучих страданий, заставивших меня радоваться наступлению вечера, так как с каждым отходящим днем все больше и больше близится конец того грустного жизненного поприща, по которому вела меня суровая судьба. Нет, никогда, никогда мне не отблагодарить ее вполне за все, чем я обязана. Мое уединение обратилось для меня в рай"⁸.

Итак, что бы ни говорили в обществе о русском вояже Марты Вильмот, как бы ни подозрительна казалась эта столь странная дружба шестидесятилетней Дашковой с двадцативосьмилетней "маленькой бедной иностранкой", как уничижительно называла себя эта ирландская мисс⁹, читатель "Записок" должен был знать: напрасно общественное мнение осуждало ее. Эта девушка выполнила свою историческую миссию — утешать и спасать, выполнила с честью!

Но этого дифирамбического пассажа Марте показалось недостаточно. Она решила сопроводить "Записки" "Посвящением", в котором также сохранились дифирамбы в ее адрес. Это посвящение крайне любопытно. Именно оно объясняет нам поведение Марты в России, снимает малейшую тень, которая могла бы быть брошена на ее репутацию, и возводит ирландку на пьедестал, на который даже Дашкова при всей своей болезненной привязанности к ней, никогда, однако, не ставила: "Итак, примите историю моей жизни... она с Вашим именем явится в свет... — говорилось в "Посвящении". — Позвольте лучше поговорить с Вами, мой милый и юный друг, о том, что ближе к нам — о нашей взаимной и нежной дружбе; я невыразимо глубоко чувствую Вашу доверенность ко мне; и Вы не могли лучше доказать ее, как покинув семейство и родину, чтоб посетить меня здесь и утешить своим присутствием старую женщину на закате дней ее... Нужно ли говорить о том, как дорого для меня Ваше присутствие, как я... удивляюсь Вашим талантам, Вашей скромности, Вашей врожденной веселости, соединенными с чистыми побуждениями Вашей жизни? (Курсив мой. — М.С.) Я ограничусь одним простым уверением, что я уважаю,

люблю и удивляюсь Вам со всей силой любящего сердца; вы его знаете и поверите, что эти чувства только прекратятся с последним вздохом Вашего искреннего друга..."¹⁰.

Итак, "Записки" начинались с восхваления Марта и этим же заканчивались. Устами Дашковой на весь мир провозглашалось, что девица марта Вильмот талантлива, при том скромна, но весела, ее главные жизненные побуждения — чисты. Да, ради такой характеристики стоило издать "Записки". Если для Дашковой было всегда решительно все равно, "что будет говорить княгиня Марья Алексеевна", то для Вильмот общественное мнение никогда не было пустым звуком. По возвращении из России ей предстояло оправдываться от тех обвинений, которые молва возвела на нее. Но замыслы Марты внезапно наткнулись на неожиданное препятствие.

Как только Марта Вильмот вернулась в Англию, она сразу же — 1 января 1809 г. — встретила с С.Р. Воронцовым, родным братом Дашковой. К сожалению, собеседники никак не зафиксировали то, о чем говорили. Можно лишь пожалеть об этом. Впоследствии и Вильмот, и Воронцов неоднократно апеллировали к содержанию этого разговора, но совсем поразному интерпретировали его.

Прошло 4 года. Мисс Вильмот стала миссис Брэдфорд. В начале 1813 г. она сделала очень важный шаг к публикации того, что она вывезла из России. Какое-то участие в подготовке рукописи к печати играл литературный советник М. Брэдфорд Сильвестр Деглас Гленберви. 2 февраля 1813 года Брэдфорд переслала Воронцову первую часть "Записок" Дашковой с просьбой высказать свои замечания. Однако Воронцов категорически возражал против публикации. Он выдвинул серьезнейшие обвинения против подлинности "Записок" Дашковой. Воронцов был убежден, что публикация этого сочинения сильнейшим образом повредит памяти сестры. Он заметил, что "Записки" задевают отцов "почтеннейших семейств". В сочинении много "есть неточного... не только ложного, но и невероятного", а "явные анахронизмы... бросаются всем в глаза". Воронцов категорически заявлял, что сочинение Марты представляет собой воспроизведение по памяти подлинной рукописи Дашковой, ранее сожженной. При этом дипломат ссылался на первую беседу с Мартой по приезде из России. Сама же Марта Брэдфорд настаивала на том, что, хотя подлинник уничтожен, у нее есть копия "Записок" с пометками самой Дашковой, удостоверяющими их подлинность¹¹.

Казалось бы, в споре с Воронцовым у Брэдфорд был сильный козырь: у нее на руках находилась копия "Записок", в которой много строк и целые страницы вместе с посвящением писаны Дашковой собственноручно.

Стоило только предъявить Воронцову эту рукопись, и все недоразумения были бы разрешены. Но Марта не воспользовалась этим козырем.

Почему же? Да потому, что показать Воронцову рукопись, которая была у нее на руках, Брэдфорд не могла. В рукописи не было написанного рукой Дашковой посвящения "Записок" ей, Марте Вильмот, а без автографа этого посвящения госпожа Брэдфорд выглядела бы самозванкой¹². Марта знала, что в России, в бумагах умершей "русской матери", есть еще одна копия "Записок", снятая также ее, Брэдфорд, рукой. Историк М.Ф. Шугуров недоумевал, почему же Марта не сообщила об этом Воронцову? Ведь "указанием на это обстоятельство она могла бы воспользоваться как убедительным доказательством подлинности имевшейся у нее рукописи"¹³.

Очевидно и это "доказательство" было для Брэдфорд неприемлемо. Ведь в рукописи, оставшейся в России, тоже не было посвящение мисс Марте¹⁴.

В 1814 году, Брэдфорд, готовясь к решительной схватке за свое право издать мемуары Дашковой, стала создавать письменную версию своей российской эпопеи: как она попала в Россию, что там делала, как создавались "Записки" и как они были уничтожены. Теперь это стало особенно нужным. Ведь брат автора пользовавшейся большим авторитетом в английском обществе, готов был объявить их подложными.

Марта придала своей версии форму письма к лорду Гленберви, который принимал непосредственное участие в подготовке "Записок" к печати. Конечно же, это письмо было литературной фикцией. Марта подробно рассказала про то, что отправилась в Россию излечиться от апатии, вызванной смертью брата, поведала о том, как Дашкова привязалась к ней. Лишь слегка Марта упомянула о том, что общественное мнение, и русское, и английское, настроилось против нее. Рассказывала Марта и о смерти Павла Дашкова, но почти не коснулась того, какие последствия для Дашковой имела эта смерть. Свой отъезд из России Марта объяснила ухудшением русско-английских отношений. Именно этим она мотивировала попытки таможенного начальства изъять ее рукописи. Опасаясь личного обыска, Марта уничтожила оригинал "Записок" в Кронштадте. Но особенно Марта не горевала по этому поводу, потому что еще в 1807 году, когда Россию покинула ее сестра Кэтрин, она увезла с собой копию "Записок"¹⁵.

Брэдфорд стремилась публикацией "Записок" оправдать свою репутацию, подмоченную после русского вояжа. Но скандал, который обещал затеять Воронцов в случае издания мемуаров Дашковой, мог подмочить эту

репутацию еще сильнее. Пришлось Марте отложить публикацию "Записок" почти на тридцать лет.

Мемуары Дашковой, выпущенные в 1840 году лондонским издательством "Henry Colburn", имели подзаголовок "Written by Herself... Edited from original". Самое название подчеркивало, что мемуары написаны именно Екатериной Романовной и опубликованы по ее собственноручной рукописи. Публикация была осуществлена по-английски, но Бредфорд ни словом не обмолвилась о том, на каком языке был написан оригинал. Более того, непосредственно перед "Посвящением" "Записок" Марте факсимиле воспроизводило английское письмо Дашковой мисс Вильмот в высшей степени комплиментарное¹⁶. У читателя должно было создаться ложное впечатление, что и сами "Записки" написаны на английском языке. Публикация состояла из двух томов. Первый содержал текст "Записок", разбитых на главы. Во втором томе Бредфорд поместила последние четыре главы мемуаров. Основное содержание второго тома составляли приложения. Среди них было опубликовано письмо Марты С.Д. Гленберви. Но носило название "Personal narrative of the editor"¹⁷. Но этого Марте показалось недостаточным. Публикация предварялась обширным введением "Introductoin by the editor"¹⁸.

Видимо, Марта ожидала, когда вымрет то поколение, которому все "невозможные и просто невероятные", по словам Воронцова, факты, описанные в "Записках", сразу же бросились бы в глаза. "Предисловие" к английскому изданию может быть правильно понято и оценено только в том случае, если читатель уже знаком с перепиской Бредфорд и Воронцова в 1812-1813 годах. Это предисловие составлено так, чтобы опровергнуть все сомнения брата в подлинности "Записок" его сестры. Однако концы с концами издательнице так и не удалось свести. В "Предисловии" Бредфорд сочла нужным затронуть те же вопросы, которые уже были освещены в письме к Гленберви, оно же было воспроизведено затем во втором томе "Записок". Причем данные, приведенные в обоих документах, не согласуются друг с другом. Прежде всего это касается датировки работы над рукописью. "Осенью 1804 года", — заверяет Бредфорд, — Дашкова уступила ее пожеланиям описать события своей жизни¹⁹. В конце текста "Записок" в публикации была даже поставлена дата: "27 октября 1805 г.", в рукописи отсутствующая. Эта же дата стояла и в "Посвящении" "Записок" самой Марте, предпосланном тексту²⁰.

В письме к Гленберви приводятся иные сведения. Здесь начало работы над "Записками" датируется осенью 1803 г.²¹

Еще историк М.Ф. Шугуров заметил, что обе датировки начала работы над "Записками" в "Предисловии" и в письме к Гленберви не согласуются между собой ровно на год²². Но это обстоятельство не смутило М.Ф. Шугурова. Он не обратил внимания, так же как и все ученые, писавшие после него, что в "Предисловии" приводится еще одна, третья дата. Рассказывая о том, как она слушала рассказы Дашковой о жизни, побудившие ее обратиться к княгине с просьбой записать их, Марта случайно проговорилась, когда же это было в действительности: "Такая чистота сердца... в шестидесятитрехлетнем возрасте", патетически восклицает Брэдфорд²³. В "Записках" упоминается, что Дашкова родилась в 1744 году²⁴ (хотя в действительности на год раньше²⁵), следовательно шестьдесят три года Дашковой, по мнению автора, должно было быть в 1807 году! Эта случайная обмолвка Брэдфорд свидетельствует, что работа над "Записками" осуществлялась еще в 1807 году. К стати сказать, текст публикации содержал упоминания о книге "Анекдоты царствования Екатерины II"²⁶. Книга эта вышла из печати в Москве в 1806 году²⁷ и, следовательно, появиться в тексте "Записок" такое упоминание могло не ранее этой даты.

Почему Марта путалась в хронологии? Зачем ей было нужно убедить читателя во что бы то ни стало в том, что "Записки" были завершены в октябре 1805 года? Затем, чтобы можно было заявить, как это было сделано в "Предисловии", что несмотря на возражения Семена Воронцова, его брат Александр, которого Дашкова почитала более всего, читал первую часть "Записок" и одобрил их. А.Р. Воронцов умер 2 декабря 1805 года. Сохранилось письмо А. Воронцова Дашковой от 28 октября 1805 года. Оно написано через день после того, как, если верить Марте, были закончены "Записки". Из письма явствует, что брат княгини с содержанием рукописи знаком не был²⁸. Видимо, Марте было необходимо убедить читателя в том, что "Записки" были закончены до отъезда ее сестры Кэтрин из России в 1807 году.

Дневник Марты, который она как будто вела в России, содержит еще один ряд показаний о времени создания "Записок" Дашковой. Эти сведения противоречат обеим датировкам, которые Марта привела в письме к Гленберви и в "Предисловии". В "Дневнике" 10 февраля 1804 года сделана запись: "Княгиня уже начала записывать историю своей жизни"²⁹. Казалось бы это свидетельство настолько ясно, что не может возникать сомнений, когда началась работа над "Записками". Именно так и поступили все комментаторы воспоминаний Дашковой, пользовавшиеся дневником Марты³⁰. Но сразу же возникает вопрос, если этот "Дневник" действительно велся в России во время пребывания там девицы Вильмот, прочему изда-

тельница не заглянула в него, когда составляла письмо к Гленберви или писала "Предисловие" к своей публикации?

А теперь внимательно прочтем запись в "Дневнике" 25 августа 1804 года: "В настоящее время княгиня очень усердно пишет свои "Записки", и я наблюдаю, с какой быстротой она продвигается вперед. Вот она ведет долгие расчеты со своим старостой, затем напишет полстраницы, потом начнет улаживать ссору между двумя крестьянами, и снова — за перо. Ни на минуту не остановится она, чтобы обдумать, что хочет сказать или лучше построить предложение. Каждое слово ложится на бумагу так же естественно, как ведется обычный разговор; каждое событие, о котором она вспоминает, воспроизводится точно и нужными словами. Грешно было бы скрывать от публики происшедшие в ее жизни замечательные события и истинные чувства, часто представляемые в ложном свете"³¹.

В самом деле, читая эти строки, становится очевидным, что писавший их уже знает о том, что мемуары Дашковой будут подвержены уничижительной критике за содержащиеся в них неточности, и поэтому спешит объяснить, откуда они произошли: Дашкову все время отвлекали от этой работы, да она особенно тщательно и не обрабатывала свой текст. Но, пожалуй, самое интересное заключается в том, что автор дневника уже знает, что есть люди, заинтересованные в том, чтобы не допустить публикацию и вступает с ними в заочную полемику — "грешно было бы скрывать", — заявляет автор "Дневника", а ведь вроде бы никто об этом его и не спрашивает. Очевидно, на "Дневник", Марты полагаться ни в коем случае нельзя.

В "Предисловии", как и в письме к Гленберви, Брэдфорд затронула очень важный вопрос о способе работы Дашковой над "Записками".

"Хотя с этой минуты — говорится в письме к Гленберви, — они постоянно лежали на ее бюро, и она ежедневно что-нибудь приписывала в них, тем не менее, они, казалось, так мало занимали ее мысль, что, не заботясь о перерывах, она никогда не отказывалась выслушивать множество лиц, обращавшихся к ней с бесчисленными вопросами... казалось, ни одной минуты своего досужего времени она не отделяла собственно на "Записки". Она быстро передавала бумаге то, что хранилось в запасе ее памяти, и едва ли когда-нибудь выскабливала или изменяла фразу, когда ей случалось вспомнить какое-нибудь обстоятельство, пропущенное по забывчивости в своем месте, она приписывала его в конце книги, с отметкою "пропуск" и с означением страницы, к которой он должен был относиться: но таких "пропусков", сколько мне помнится, было не более семи или восьми. Этим объясняются некоторые неточности по отношению к хроно-

логии... Когда несколько листов были написаны, я начинала снимать копию. Иногда она брала из моей руки перо и сама переписывала строку или две"³².

Видимо, этого объяснения Брэдфорд показалось недостаточно. Поэтому в "Предисловии" Марта поместила следующий пассаж: "Она писала по памяти, не имея под рукой никаких заметок, которыми бы предварительно справлялась. Поэтому в "Записках" ее, может быть, и найдутся хронологические неточности"³³. Тот же мотив встречаем и в письме к Гленберви³⁴. И еще одно важное обстоятельство. В "Предисловии" Марта категорически утверждала, что она не внесла в рукопись Дашковой никаких изменений, дополнений, пояснений³⁵.

Когда Марта писала эти строки, она, видимо, и не догадывалась о том, что ее легко можно будет проверить. Ведь рукописи "Записок" сохранились. Они-то и дают возможность определить, что в словах Брэдфорд правда, а что сознательная ложь.

На рубеже 1880-х годов в архиве Воронцовых была обнаружена рукопись "Записок" Дашковой. Это был тот самый манускрипт, который душеприказчики княгини нашли в бумагах усопшей сразу после ее смерти. Когда ученые сравнили эту рукопись с английской публикацией Брэдфорд, то выяснилось, что издательница значительно переработала текст. Очевидно, она стремилась устранить анахронизмы, отмеченные Воронцовым, убрать из текста издания те пассажи, которые могли быть охарактеризованы как нападки на личность. В то же время, она внесла в публикацию много такого, чего в воронцовском архиве не было вовсе. Издательница нигде не оговорила сделанных добавлений. Напротив, она уверяла читателя в том, что ничего не добавила к тексту, то есть намеренно вводила публику в заблуждение. Впрочем, ученые отнеслись к Марте снисходительно: она не понимала свою задачу, смотрела на "Записки" как на грубый материал, подлежащий сокращениям и добавлениям.

В 1882 г. скончалась дочь Марты Брэдфорд Катерина Брук. Бумаги семейства Брэдфорд поступили в библиотеку Британского музея, где хранятся и поныне. Среди них рукопись "Записок" Дашковой, привезенная из России. Эта рукопись также была написана рукой Марты Вильмот. Характерная особенность этой рукописи заключается в том, что в конце первой части находятся 11 страниц, озаглавленные "Пропуски". Они заключают в себе те самые вставки, которые Марта внесла в текст своей публикации. Они, конечно же, были написаны рукой самой Марты.

Копья ученых ломались вокруг достоверности дополнений к подлинному тексту³⁶. Однако, как это ни покажется странным, вопрос о существовании самого подлинного текста, написанного рукой Дашковой,

вовании самого подлинного текста, написанного рукой Дашковой, даже не ставился. Ученые не сомневались в том, что подлинная рукопись Дашковой существовала, но оппоненты, сами того не подозревая, собрали столько фактов, уличающих Марту в намеренном искажении истины, что возникает вопрос: "А существовал ли подлинник?" Как помним, Марта утверждала, что она сожгла его в Кронштадте. Есть серьезнейшие основания усомниться в том, что это правда. В архиве семейства Брэдфорд в Британском музее сохранились 13 писем Дашковой Марте за 1808 год и 10 писем за 1809 год. Некоторые из этих писем Марта воспроизвела во втором томе своей английской публикации. Из писем видно, что Марта сообщила своей "русской матери" обо всем, что с ней произошло. Она писала Дашковой из Кронштадта и из Англии сразу по приезде туда. Это последнее письмо Дашкова получила 13 апреля 1809 года. 15 сентября 1809 года Дашкова уже знала и о "продолжительном свидании" Марты с Семеном Воронцовым³⁷. Из ответного письма Дашковой от 3 ноября 1809 года видно, что она дважды сообщила Марте о том, что писала Александру I, выражая возмущение обыском, устроенным в Кронштадте. "Если дело шло о задержании моих "Записок", то лишь из скромности я не решилась напечатать их при жизни", — писала Екатерина Романовна³⁸. Это письмо подтверждает, что Марта везла ее "Записки", но в переписке нет ни слова о сожжении подлинной рукописи³⁹. Неужели же, если подлинник действительно был сожжен, Марта не сообщила бы об этом важном и прискорбном обстоятельстве Дашковой? Разве Дашкова могла бы не отреагировать на это сообщение? Допустить это невозможно.

Рукопись, которую везла Марта, благополучно достигла берегов Туманного Альбиона вместе с другими бумагами, которые она предусмотрительно захватила с собой⁴⁰. Что же касается *auto-da-fé*, то его пришлось впоследствии сочинить для того, чтобы объяснить отсутствие подлинника. Но если подлинник не был сожжен, то куда же он делся?

Если сопоставить лондонскую и петербургскую рукописи "'Записок" Дашковой, то есть бруковский и воронцовский экземпляры, можно убедиться в том, что манускрипт, хранившийся в архиве Воронцовых, является более поздним, а рукопись из архива Брэдфорд — более ранней. Она-то и представляет для нас наибольший интерес, так как раскрывает процесс создания "Записок". Как уже отмечалось, эта рукопись написана рукой Марты Вильмот, но в тексте есть фрагменты, написанные Дашковой собственноручно, причем их расположение в рукописи большей частью таково, что они непосредственно продолжают изложение Вильмот. Фрагменты, написанные рукой Дашковой, свидетельствуют об активном вторже-

нии княгини в создаваемый Вильмот текст, вторжении не всегда удачном. Желая дополнить написанное Вильмот, Дашкова, не помня предыдущего текста, совершала досадные повторы. Они-то и свидетельствуют о том, что княгиня, конечно, не выступала в роли переписчика собственной рукописи, а пробовала писать самостоятельно, но с этой ролью едва справлялась.

Становится понятным, почему Марта не показала этой рукописи Семёну Воронцову. Брат Екатерины Романовны без труда смог бы определить, что тут написано его сестрой, а что Мартой Вильмот.

Видимо, процесс создан "Записок" протекал так.

Если верить преподавателю Оксфордского университета Джону Паркинсону, побывавшему в Петербурге в 1792-1794 гг., Дашкова за несколько лет до того угрожала Потемкину, что опубликует в Англии письма Екатерины II к ней и воспоминания о своей жизни⁴¹. Видимо, мысль об этом возникла у Дашковой задолго до приезда в Россию Марты Вильмот. Появление на Западе целого рода антикатерининских памфлетов, в которых был нарисован мало привлекательный портрет Дашковой, не мог не побудить задетую княгиню дать полемично заостренный ответ на эти сочинения.

Видимо, стареющей и постоянно мучимой недугами Дашковой было не под силу создать самой такое сочинение, которое было бы достойным ответом на едкие памфлеты. Марта и Кэтрин Вильмот предложили ей свои услуги. Обе ирландки прекрасно владели пером. В их распоряжении оказалось достаточно материалов, которые позволяли создать такой труд. Но главное, конечно же, заключалось в том, что публикация должна была прославить Марту Вильмот и давала прекрасную возможность восстановить ее пошатнувшуюся репутацию.

Сестры слушали рассказы Дашковой и записывали их. Эти рассказы являлись прекрасным комментарием к тем документам, которые были в их распоряжении. Составлявшееся таким образом сочинение представлялось Дашковой на апробацию. Дашкова по мере сил старалась участвовать в этой работе: писала небольшие фрагменты собственноручно, частично правила написанный Мартой текст. Но, по всей видимости, в период создания "Записок" Дашкова находилась уже в таком состоянии, что ее непосредственное участие в этой работе было минимальным. Письма сестер Вильмот буквально пестрят сообщениями о том, что Дашковой неможется.

Марте пришлось решать очень сложную задачу. "Записки" были задуманы как опровержение памфлетов французских писателей. "Записки"

должны были, по словам Марты, исправить то неверное представление о Дашковой, которое создалось у людей, ее знавших только благодаря имеющим широкое хождение сочинениям, где княгиня похода и между делом была представлена как тщеславная, пустая, честолюбивая, а иногда и как развратная женщина.

Если бы Марта сочиняла оправдание Дашковой в третьем лице, то она, наверно, успешно бы с этим справилась. Но Вильмот должна была вложить в уста Дашковой самооправдание. Сделать это, не поставив княгиню в неловкое положение, было очень сложно. У читателя неизбежно возникает ощущение, что автор занимается самовосхвалением. Именно поэтому многие страницы "Записок" Дашковой невозможно читать без иронической улыбки. Прежде всего это касается самооценок автора. Именно благодаря этим самооценкам исследователи "Записок" обвиняли Дашкову в самолюбии, тщеславии, неискренности и самообольщении⁴².

А между тем, "Записки" ярко запечатлели психологический образ Марты Вильмот, ее жажду самовозвеличивания. Уже сам факт сочинения "Посвящения", в котором устами Дашковой дана дифирамбическая оценка личности девицы Вильмот, говорит сам за себя. Любопытны рассуждения Марты в "Предисловии" о "слишком лестных выражениях", в которых добрая княгиня говорит о ней в "Посвящении" и в заключительных строках "Записок". "Исполняя долг редактора, — пишет Марта, — я не чувствовала себя в праве исключить и не жалею об этом, полностью сознавая, как мало эти пассажи значили, я могу спустя более, чем тридцать лет, признаться, по причинам очень далеким от какого-либо тщеславия, что эти свидетельства все еще дороги, и остаются самыми дорогими для моего сердца". Марта заклинала читателя рассматривать их только как доказательства горячей привязанности княгини к тем, кого она любила⁴³. Заклипания издательницы очень ярко рисуют облик Марты Бредфорд, если знаешь о том, что "Посвящение" самой себе она же и сочинила.

Если бы ни Марта, русская культура едва ли располагала бы таким уникальным памятником как "Записки" Дашковой. Однако перо миссис Бредфорд и ее литературных помощников оказало "медвежью услугу" "северной медведице", как любила себя называть Екатерина Романовна. "Ее история" оказалась сильно искаженной. Если мы представим, что "Записок" не существует, и станем восстанавливать биографию Дашковой по другим источникам, то это будет совсем не та жизнь, которую описала Марта Бредфорд. Та жизнь, которую в действительности прожила глава двух академий, была намного интереснее и драматичнее, нежели представленная в "Записках". Поэтому перед учеными стоит сложнейшая зада-

ча восстановить подлинную биографию одной из самых замечательных русских женщин XVIII столетия.

¹ Шугуров, 1880, 196.

² Дашкова, 1859, 389-390.

³ Дашкова, 1859, 412.

⁴ Дашкова, 1859, 321-339, 412-414.

⁵ Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802-1826. СПб., 1883, С. 190.

⁶ О характере отношений между Дашковой и М. Вильмот см подробно: Сафонов М.М. 1) Княгиня Сафо? Античные страсти на берегах Невы // Родина. 1997. № 1. С. 80-84; 2) Записки женщины в черном: Воспоминания "кавалера-княгини" Дашковой // Смена. 1996, 5 октября; 3) Княгиня Дашкова: Кавалер или кавалерша? // Ваш тайный советник. 2000. Ноябрь. № 14; 4) Девица или кавалер? // Смена. 2001. 5 мая.

⁷ Веселая Г.А. Екатерина Романовна Дашкова в селе Троицком // Труды ГИМ. Вып. 58. М., 1984. С. 88.

⁸ АВ, XXI, 363-364.

⁹ Дашкова, 1987, 221.

¹⁰ Дашкова, 1840, I, XXXV-XXXIX.

¹¹ АВ, XXI, 372-378; Шугуров, 1880, 186-194.

¹² British Museum. Add. MSS. 31911. Sch.83999.

¹³ Шугуров, 1880, 187-188, 194, 196.

¹⁴ Архив СПИИ РАН, ф. 36, № 749.

¹⁵ Дашкова, 1859, 390-439.

¹⁶ Letter Dedicatory to miss M. Wilmot, by the Princess Daschkaw // Дашкова, 1840, I, перед С. XXXV.

¹⁷ Там же, II, 215-307.

¹⁸ Там же, I, XVII-XXXI.

¹⁹ Там же, I, XXI.

²⁰ Там же, I, XXXIX, Дашкова, 1859, 292.

²¹ Дашкова, 1840, I, 241.

²² Шугуров, 1880, 160.

²³ Дашкова, 1840, I, XXII.

²⁴ Там же, I, I.

²⁵ Дашкова, 1991, 510.

²⁶ Дашкова, 1859, 245.

²⁷ Подлинные анекдоты императрицы Екатерины Великой, премудрой матери отечества. М., 1806.

²⁸ АВ, V, 1-5.

²⁹ Дашкова, 1987, 246.

³⁰ Дашкова, 1987, 21; Дашкова, 1990, 24; СП, 197, Воронцов-Дашков, 1991, 15; Дашкова, 1999, 259.

³¹ Дашкова, 1987, 269.

³² Там же, II, 240-241.

³³ Там же, I, XXII.

³⁴ Там же, II, 241.

³⁵ Там же, I, XIX.

³⁶ Шугуров, 1880, 94-212; Лобанов-Ростовский, 368-375; Шугуров, 1881, 132-140.

³⁷ Шугуров, 1880, 184.

³⁸ Дашкова, 1859, 297.

³⁹ British Museum. MSS. Add. 31911. Sch. 83999. P.253-303.

⁴⁰ Согласно Х.М. Хайду в середине 30-х годов XIX века в руках Эвелин Маридан находились письма Дашковой Екатерине II, Дидро, А. Дени, императрице Елизавете Алексеевне, к Гамильтон, М. Вильмот. Кроме того, в этом собрании находились записи бесед Екатерины II и княгини Дашковой. Текст этих бесед Х.М. Хайд воспроизвел в своей книге. (Hyde H.M. The Empress Catherine and Princess Dashkoff. London, 1935. P. 269-278).

⁴¹ Кросс А.Г. Британские отзывы о личности и карьере Е.Р. Дашковой (1762-1810) // Дашкова, 1996, 35.

⁴² Сафонов М.М. Екатерина Малая и ее "Записки" // Дашкова, 1996, 15-16.

⁴³ Дашкова, 1840, I, XXV-XXVI.

Список сокращений

АВ — Архив князя Воронцова. М., 1872. Т. V; 1875. Т. VII; 1880. Т. XVII; 1881. Т. XXI. (В данной аббревиатуре первая цифра означает том, вторая — страницу.)

Воронцов-Дашков — Woronzoff-Dashkoff A.I. Additions and Note in Princess Dashkova's "Mon Histoire" // Study Group on Eighteenth-Century Russia: Newsletter. 1991. № 19.

Дашкова, 1840 — Memoires of the Princess Dashkoff, Lady of Honour to Catherine II, Empress of all the Russias: Written by Herself: comprising Letters of the Empress and other correspondence. Edited from the Originals, by Mrs. W. Bradford in two volumes. London, 1840. V. I-II. (В данной аббревиатуре первая цифра означает том, вторая — страницу.)

Дашкова, 1859 — Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки княгини Е.Р. Дашковой. 1859. Лондон. Репринтное воспроизведение. М., 1990.

Дашкова, 1907 — Записки княгини Дашковой. Перевод с французского по изданию, сделанному с подлинной рукописи. Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907.

Дашкова, 1985 — Екатерина Дашкова. Записки. 1743-1810. Подготовка текста, статья и комментарий Г.Н. Моисеевой. Отв. ред. Ю.В. Стенник.

Дашкова, 1987 — Дашкова Е.Р. Записки: Письма сестер М. и К. Вильмот из России. Под общ. ред. С.С. Дмитриева. Сост. Г. А. Веселая. М., 1987.

Дашкова, 1991 — Записки княгини Дашковой: Письма сестер Вильмот из России. Под общ. ред. С.С. Дмитриева. Вступ. ст. Г.А. Веселой и С.С. Дмитриева. М., 1991.

Дашкова, 1996 — Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996

Дашкова, 1999 — Princess Dashkoff. Mon Histoire: Mémoires d'une femme de lettres Russe à l'époque de lumères: Suivis des lettres de l'imperatrice Catherine II. Edition présentée et annotée par Alexandre Woronzoff-Dashkoff, Catherine Le Couis, Catherine Woronzoff-Dashkoff. Préface de Francis Ley. Paris, 1999.

Лобанов-Ростовский — Лобанов-Ростовский А.Б. Еще о записках княгини Дашковой // Русский архив. 1881. Кн. I.

СТ — Россия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Справочный том к запискам Е.Р. Дашковой, Екатерины II, И.В. Лопухина. М., 1992.

Шугуров, 1880 — Шугуров М.Ф. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова (Подлинные записки княгини Дашковой) // Русский архив. 1880, III.

Шугуров, 1881 — Шугуров М.Ф. Заметки об английском переводе записок княгини Дашковой // Русский архив .1881. Кн. II.